

БОРИС
ЖИТКОВ

МЕХАНИК
САЛЕРНО

Борис Степанович Житков
Механик Салерно

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6982203

Аннотация

На итальянском пароходе, следующем из Европы в Америку, в одном из трюмов начинается пожар. Причина возгорания – легковоспламеняющийся груз, который был взят на борт незаконно. В ответе за случившееся оказался механик Салерно, который втайне принял опасный груз... Что предпримут герои рассказа, читатели смогут узнать из книги.

Содержание

I	4
II	5
III	6
IV	7
V	8
VI	9
VII	10
VIII	11
IX	12
X	13
XI	14
XII	15
XIII	16
XIV	17
XV	18
XVI	19
XVII	21
XVIII	22

Борис Степанович Житков

Механик Салерно

I

Итальянский пароход шел в Америку. Семь дней он плыл среди океана, семь дней еще оставалось ходу. Он был в самой середине океана. В этом месте тихо и жарко.

И вот что случилось в полночь на восьмые сутки.

Кочегар шел с вахты спать. Он шел по палубе и заметил, какая горячая палуба. А шел он босиком. И вот голую подошву жжет. Будто идешь по горячей плите. «Что такое? – подумал кочегар. – Дай проверю рукой». Он нагнулся, пощупал: «Так и есть, очень нагрета. Не может быть, чтобы с вечера не остыла. Неладно что-то». И кочегар пошел сказать механику. Механик спал в каюте. Раскинулся от жары. Кочегар подумал: «А вдруг это я зря, только кажется? Заругает меня механик: чего будишь, только уснул».

Кочегар забоялся и пошел к себе. По дороге еще раз тронул палубу. И опять показалось – вроде горячая.

II

Кочегар лег на койку и все не мог уснуть. Все думал: сказать, не сказать? А вдруг засмеют? Думал, думал, и стало казаться всякое, жарко показалось в каюте, как в духовке. И все жарче, жарче казалось. Глянул кругом – все товарищи спят, а двое в карты играют. Никто ничего не чувствует. Он спросил игроков:

– Ничего, ребята, не чувствуете?

– А что? – говорят.

– А вроде жарко.

Они засмеялись.

– Что ты, первый раз? В этих местах всегда так. А еще старый моряк!

Кочегар крикнул и повернулся на бок. И вдруг в голову ударило: «А что, как беда идет? И наутро уже поздно будет? Все пропадем. Океан кругом на тысячи верст. Потонем, как мыши в ведре».

Кочегар вскочил, натянул штаны и выскочил наверх. Побежал по палубе. Она ему еще горячей показалась. С разбегу стукнул механику в двери. Механик только мычал да пыхтел. Кочегар вошел и потолкал в плечо. Механик нахмурился, глянул сердито, а как увидел лицо кочегара, крикнул:

– Что случилось? – и вскочил на ноги. – Опять там подрались?

А кочегар схватил его за руку и потянул вон. Кочегар шепчет:

– Попробуйте палубу, синьор Салерно.

Механик головой спросонья крутит – все спокойно кругом. Пароход идет ровным ходом. Машина мурлычет мирно внизу.

– Рукой палубу троньте, – шепчет кочегар. Схватил механика за руку и прижал к палубе.

Вдруг механик отдернул руку.

– Ух, черт, верно! – сказал механик шепотом. – Стой здесь, я сейчас.

Механик еще два раза пощупал палубу и быстро ушел наверх.

III

Верхняя палуба шла навесом над нижней. Там была каюта капитана.

Капитан не спал. Он прогуливался по верхней палубе. Поглядывал за дежурным помощником, за рулевым, за огнями.

Механик запыхался от скорого бега.

– Капитан, капитан! – говорит механик.

– Что случилось? – И капитан придвинулся вплотную, глянул в лицо механику и сказал:

– Ну, ну, пойдете в каюту.

Капитан плотно запер дверь. Закрыл окно и сказал механику:

– Говорите тихо, Салерно. Что случилось?

Механик перевел дух и стал шептать:

– Палуба очень горячая. Горячей всего над трюмом, над средним. Там кипы с пряжей и эти бочки.

– Тсс! – сказал капитан и поднял палец. – Что в бочках, знаем вы да я. Там, вы говорили, хлористая соль? Не горючая? – Салерно кивнул головой. – Вы сами, Салерно, заметили или вам сказали? – спросил капитан.

– Мне сказал кочегар. Я сам пробовал рукой. – Механик тронул рукой пол. – Вот так. Здорово...

Капитан перебил:

– Команда знает?

Механик пожал плечами.

– Нельзя, чтобы знали пассажиры. Их двести пять человек. Начнется паника. Тогда мы все погибнем раньше, чем пароход. Надо сейчас проверить.

Капитан вышел. Он покосился на пассажирский зал. Там ярко горело электричество. Нарядные люди гуляли мимо окон по палубе. Они мелькали на свету, как бабочки у фонаря. Слышен был веселый говор. Какая-то дама громко хохотала.

IV

– Идти спокойно, – сказал капитан механику. – На палубе – ни звука о трюме. Где кочегар?

Кочегар стоял, где приказал механик.

– Давайте градусник и веревку, Салерно, – сказал капитан и закурил.

Он спокойно осматривался кругом. Какой-то пассажир стоял у борта.

Капитан зашагал к трюму. Он уронил папироску. Стал поднимать и тут пощупал палубу. Палуба была нагрета. Смола в пазах липла к руке. Капитан весело обругал окуроч, кинул за борт.

Механик Салерно подошел с градусником на веревке.

– Пусть кочегар смерит, – приказал капитан шепотом.

Пассажир перестал глядеть за борт. Он подошел и спросил больным голосом:

– Ах, что это делают? Зачем, простите, эта веревка? Веревка, кажется? – И он стал щупать веревку в руках кочегара.

– Ну да, веревка, – сказал капитан и засмеялся. – Вы думали, змея? Это, видите ли... – Капитан взял пассажира за пуговку. – Иди, – сказал капитан кочегару. – Это, видите ли, – сказал капитан, – мы всегда в пути мерим. С палубы идет труба до самого дна.

– До дна океана? Как интересно! – сказал пассажир.

«Он дурак, – подумал капитан. – Это самые опасные люди».

А вслух рассмеялся:

– Да нет! Труба до дна парохода. По ней мы узнаем, много воды в трюме или нет.

Капитан говорил сущую правду. Такие трубы были у каждого трюма.

Но пассажир не унимался.

– Значит, пароход течет, он дал течь? – вскрикнул пассажир.

Капитан расхохотался как мог громче.

– Какой вы чудак! Ведь это вода для машины. Ее нарочно запасают.

– Ай, значит, мало осталось! – И пассажир заломил руки.

– Целый океан! – И капитан показал за борт. Он повернулся и пошел прочь. Впотьмах он заметил пассажира.

Роговые очки, длинный нос. Белые в полоску брюки. Сам длинный, тощий.

Салерно чиркал у трюма.

V

– Ну, сколько? – спросил капитан.

Салерно молчал. Он выпучил глаза на капитана.

– Да говорите, черт вас дери! – крикнул капитан.

– Шестьдесят три, – еле выговорил Салерно.

И вдруг сзади голос:

– Святая Мария, шестьдесят три!

Капитан оглянулся. Это пассажир, тот самый. Тот самый, в роговых очках.

– Мадонна путана! – выругался капитан и сейчас же сделал веселое лицо. – Как вы меня напугали! Почему вы бродите один? Там наверно веселее. Вы поссорились там?

– Я нелюдим, я всегда здесь один, – сказал длинный пассажир.

Капитан взял его под руку. Они пошли, а пассажир все спрашивал:

– Неужели шестьдесят? Боже мой! Шестьдесят? Это ведь правда?

– Чего шестьдесят? Вы еще не знаете чего, а расстраиваетесь. Шестьдесят три сантиметра. Этого вполне хватит на всех.

– Нет, нет! – мотал головой пассажир. – Вы не обманете! Я чувствую.

– Выпейте коньяку и ложитесь спать, – сказал капитан и пошел наверх.

– Такие всегда губят, – бормотал он на ходу. – Начнет болтать, поднимет тревогу. Поидет паника.

Много случаев знал капитан. Страх – это огонь в соломе. Он охватит всех. Все в один миг потеряют ум. Тогда люди режут по-звериному. Толпой мечутся по палубе. Бросаются сотнями к шлюпкам. Топорами рубят руки. С воем кидаются в воду. Мужчины с ножами бросаются на женщин. Пробивают себе дорогу. Матросы не слушают капитана. Давят, рвут пассажиров. Окровавленная толпа бьется, ревет. Это бунт в сумасшедшем доме.

«Этот длинный – спичка в соломе», – подумал капитан и пошел к себе в каюту. Салерно ждал его там.

VI

– Вы тоже! – сказал сквозь зубы капитан. – Выпучили глаза – утопленник! А этого болвана не увидели? Он суется, носится за мной. Нос свой тычет, тычет, – капитан тыкал пальцем в воздух. – Он всюду, всюду! А нет его тут? – И капитан открыл двери каюты.

Белые брюки шагнули в темноте. Стали у борта. Капитан запер дверь. Он показал пальцем на спину и сказал зло:

– Тут, тут, вот он. Говорите шепотом, Салерно. Я буду напевать.

– Шестьдесят три градуса, – шептал Салерно. – Вы понимаете? Значит...

– Градусник какой? – шепнул капитан и снова замурлыкал песню.

– С пеньковой кистью. Он не мог нагреться в трубе. Кисть была мокрая. Я быстро подымал и тотчас глянул. Пустить, что ли, воду в трюм?

Капитан вскинул руку.

– Ни за что! Соберется пар, взорвет люки.

Кто-то тронул ручку двери.

– Кто там? – крикнул капитан.

– Можно? Минуту! Один вопрос! – Из-за двери всхлипывал длинный пассажир.

Капитан узнал голос.

– Завтра, дружок, завтра, я сплю! – крикнул капитан. Он плотно держал дверь за ручку.

Потушил свет.

Прошла минута. Капитан шепотом приказал Салерно:

– Первое: дайте кораблю самый полный ход. Не жалейте ни котлов, ни машины. Пусть ее хватит на три дня. Надо делать плоты. Вы будете распоряжаться работой. Идемте к матросам.

Они вышли. Капитан осмотрелся. Пассажира не было. Они спустились вниз. На нижней палубе беспокойно ходил пассажир в белых брюках.

– Салерно, – сказал капитан на ухо механику, – занимайте этого идиота чем угодно! Что хотите! Играйте с ним в чехарду! Анекдоты! Врите! Но чтобы он не шел за мной. Не спускайте с глаз!

Капитан зашагал на бак. Спустился в кубрик к матросам. Двое быстро смахнули карты на палубу.

– Буди всех! Всех сюда! – приказал капитан. – Только тихо.

Вскоре в кубрик собралось восемнадцать кочегаров и матросов. С тревогой глядели на капитана. Молчали, не шептались.

– Все? – спросил капитан.

– Остальные на вахте, – сказал боцман.

VII

– Военное положение! – крепким голосом сказал капитан.

Люди глядели и не двигались.

– Дисциплина – вот. – И капитан стукнул револьвером по столу. Обвел всех глазами. –

На пароходе пожар.

Капитан видел: бледнеют лица.

– Горит в трюме номер два. Тушить поздно. До опасности осталось три дня. За три дня сделать плоты. Шлюпок мало. Работу покажет механик Салерно. Его слушаться. Пассажирам говорить так: капитан наказал за игру и драки. Сболтни кто о пожаре – пуля на месте. Между собой – об этом ни слова. Поняли?

Люди только кивали головами.

– Кочегары! – продолжал капитан. – Спасенье в скорости. Не жалеть сил!

Капитан поднялся на палубу. Глухо загудели внизу матросы. А впереди капитан увидал: Салерно стоял перед пассажиром. Старик-механик выпятил живот и качивался.

– Уверяю вас, дорогой мой, слушайте, – пыхтел механик, – уверяю, это в Алжире... ей-богу... и арапки... танец живота... Вот так!

Пассажир мотал носом и вскрикивал:

– Не верю, ведь еще семь суток плыть!

– Клянусь мощами Николая-чудотворца! – Механик задыхался и вертел животом.

– Поймал, поймал! – весело крикнул капитан.

Механик оглянулся.

Пассажир бросился к капитану.

– Все там играли в карты. И все передрались. Это от безделья. Теперь до самого порта работать. Выдумайте им работу, Салерно. И потяжелее. Бездельники все они! Все! Пусть делают что угодно. Стругают. Пилят. Куют. Идите, Салерно. По горячему следу. Застегните китель!

VIII

– Идемте, синьор. Вы мне нравитесь... – Капитан обхватил пассажира за талию.

– Нет, я не верю, – говорил пассажир упрямо, со слезами. – У нас есть пассажир. Он – бывший моряк. Я его спрошу. Что-то случилось. Вы меня обманываете.

Пассажир рвался вперед.

– Вы не хотите сказать. Тайна! Тайна!

– Я скажу. Вы правы – случилось, – сказал тихо капитан. – Станемте здесь. Тут шумит машина. Нас не слышат.

Капитан облокотился на борт. Пассажир стал рядом.

– Я вам объясню подробно, – начал капитан. – Видите вы вон там, – капитан перегнулся за борт, – вон вода бьет струей? Это из машины за борт.

– Да, да, – сказал пассажир, – теперь вижу.

Он тоже глядел вниз. Придерживал очки.

– Ничего не замечаете? – сказал капитан.

Пассажир смотрел все внимательнее. Вдруг капитан присел. Он мигом схватил пассажира за ноги. Рывком запрокинул вверх и толкнул за борт. Пассажир перевернулся через голову. Исчез за бортом. Капитан повернулся и пошел прочь. Он достал сигару, отгрыз кончик. Отплюнул на сажень. Ломал спички, пока закуривал.

IX

Капитан пошел наверх и дал распоряжение: повернуть на север.

Он сказал старшему штурману:

– Надо спешить на север. Туда, на большую дорогу. Тем путем ходит много кораблей. Там можно скорее встретить помощь.

Машина будто встрепенулась. Она торопливо вертела винт. Пароход заметно вздрагивал. Он мелко трясся корпусом – так сильно вертела машина.

Через час Салерно доложил капитану:

– Плоты готовят. Я велел ломать деревянные переборки. Сейчас машина дает восемьдесят два оборота. Предохранительные клапаны на котлах заклепаны. Если котлы выдержат... – и Салерно развел руками.

– Тогда постарайтесь дать восемьдесят пять оборотов. Только осторожно, Салерно. Машина сдаст, и мы пропали. Люди спокойны?

– Они молчат и работают. Пока что... Их нельзя оставлять. Там второй механик. Третий – в машине. Фу!

Салерно отдувался. Он снял шапку. Сел на лавку. Замотал головой. И вдруг вскочил:

– Я смерю, сколько градусов.

– Не смей! – оборвал капитан.

– Ах да, – зашептал Салерно, – этот идиот! Где он? – и Салерно огляделся.

Капитан не сразу ответил.

– Спит. – Капитан коротко свистнул в свисток и приказал вахтенному: – Третьего штурмана ко мне!

– Слушайте, Гропани, вам двадцать пять лет...

– Двадцать три, – поправил штурман.

– Отлично, – сказал капитан. – Вы можете прыгать на одной ножке? Ходить колесом?

Сколько есть силы, забавляйте пассажиров! Играйте во все дурацкие игры! Чтобы сюда был слышен ваш смех! Ухаживайте за дамами. Вываливайте все ваши глупости. Кричите петухом. Лайте собакой. Мне наплевать. Третий механик вам в помощь, на весь день. Я вас научу, что врать.

– А вахта? – и Гропани хихикнул.

– Это и есть ваша вахта. Всю вашу дурость сыпьте. Как из мешка. А теперь спать!

– Есть! – сказал Гропани и пошел к пассажирам.

– Куда? – крикнул капитан. – Спать!

Х

Капитан не спал всю ночь. Под утро приказал спустить градусник. Градусник показал 67. «Восемьдесят пять оборотов», – доложили из машины. Пароход трясся, как в лихорадке. Волны крутым бугром расходились от носа.

Солнце взошло справа. Ранний пассажир вышел на палубу. Посмотрел из-под руки на солнце. Вышел толстенький аббат в желтой рясе. Они говорили. Показывали на солнце. Оба пошли к мостику.

– Капитан, капитан! Ведь солнце взошло справа, оно всходило сзади, за кормой. Вы изменили курс. Правда? – говорили в два голоса и пассажир и священник.

Гропани быстро взбежал наверх.

– О конечно, конечно! – говорил Гропани. – Впереди Саргассово море. Не знаете? Это морской огород. Там водоросли, как змеи. Они опутают винт. Это прямо похлебка с капустой. Вы не знали? Мы всегда обходим. Там завязло несколько пароходов. Уж много лет.

Пожилая дама в утреннем платье вышла на голоса.

– Да, да, – говорил Гропани, – там дамы хозяйничают, как у себя дома.

– А есть-то что? – спросила дама.

– Рыбу! Они рыбу ловят! – спешил Гропани. – И чаек. Они чаек наловили. Они у них несутся. Цыплят выводят. Как куры. И петухи кричат: «Ку-ка-ре-ку!»

– Вздор! Вздор! – смеялась дама.

А Гропани бил себя в грудь и кричал:

– Клянусь вам всеми спиртными напитками!

Пассажиры выходили на палубу. Вертлявый испанец суетился перед публикой.

– Господа, пока не жарко, партию в гольд! – кричал он по-французски и вертел черными глазами.

– Будьте мужчиной, – говорил испанец и тряс за руку Гропани, – приглашайте дам!

– Одну партию до кофе! Умоляйте! – Испанец стал на колени и смешно шевелил острыми усами.

– Вот так и будете играть, – крикнул Гропани, – на коленях!

– Да! Да! На коленях! – закричали дамы.

Все хохотали. Испанец делал рожи, смешил всех и кричал:

– Приглашайте дам!

Гропани поклонился аббату и сделал руку кренделем:

– Прошу.

Аббат замахал рукой:

– Ах, простите, я близорук.

Всем стало весело. Кто-то притащил клюшки и большие шашки. Началась игра; на палубе начертили крестики. Клюшками толкали шашки.

XI

– Сегодня особенно трясет, – вдруг сказал испанец. – Я чувствую коленками. Не правда ли?

Все минуту слушали.

– Да вы посмотрите, как мы идем! – крикнул Гропани.

Публика хлынула к борту.

– Это секрет, секрет, – говорил Гропани. Он поднял палец и прищурил глаз.

– Матео! – крикнул Гропани вниз. – Скорей, скорей, бегом!

Третий механик быстро появился снизу. Он был маленький, черный. Совсем обезьянка. Он бежал легко, семеня ножками.

– Гой! – крикнул Гропани, и механик с разбегу прыгнул через испанца. Все захлопали в ладоши.

– Слушай, секрет можно сказать? – спросил Гропани. – Нам не влетит?

– Беру на себя, – сказал маленький механик и улыбнулся белыми зубами на темном лице.

Все обступили моряков. Испанец вскочил с колен.

– Наш капитан, – начал тихим голосом механик, – через два дня именинник. Он всегда останавливает пароход. Все выходят на палубу и должны поздравлять старика. Часа три стоим все, поздравляем, все равно, даже в шторм. Вот он и велит гнать. А то опоздает в порт. Чудачина-старичина! И катанье какое-то затевает, морской пикник, – совсем тихо прибавил механик. – Только, чур, молчок! – И он волосатой рукой прикрыл рот.

– Ох, интересно! – говорили дамы.

Буфетчик звонил к кофе.

Механик и Гропани отошли к борту.

– У нас в кочегарке, – быстрым шепотом сказал механик, – переборка нагрелась – рука не терпит. Как уют. Понимаешь?

– А трюм нельзя открыть, – сказал Гропани. – Войдет воздух, и сразу все вспыхнет.

– Как думаешь, продержимся два дня? Как думаешь? – Механик глянул в самые глаза Гропани.

– Пожар, можем задохнуться в своем дыму, – сказал Гропани, – а впрочем, черт его знает.

Они пошли на мостик. Капитан их встретил.

– Идите сюда, – сказал капитан. Он потащил механика за руку. В каюте он показал ему маленькую рулетку, новенькую, блестящую.

– Вот шарик. – Капитан поднес шарик к носу механика. – Пусть крутят, бросают шарик, пусть играют на деньги. Говорите – это по секрету от капитана. Тогда они будут сидеть внизу. Мужчины хотя бы... Дамы ничего не заметят. Возьмите, не потеряйте шарик! – И капитан ткнул рулетку механику.

Третий механик вышел на палубу. Официанты играли на скрипках. Две пары уже танцевали.

XII

Команда работала и разбирала эмигрантские нары. Под палубой было жарко и душно. Люди разделись, мокрые от пота.

– Ни минуты, ни секунды не терять! – говорил старик Салерно. Он помогал срывать толстые брусья.

– Потом покурите, потом! – пыхтел старик.

– Ну, чего стал? – крикнул Салерно молодому матросу.

– Вот оттого и стал! – во всю глотку крикнул молодой матрос.

Все на миг бросили работу. Все глядели на Салерно и матроса. Стало тихо. И стало слышно веселую музыку.

– Ты это что же? – сказал Салерно. Он с ключом в руке пошел на матроса.

– Там танцуют, – кричал матрос, – а мы тут кишки рвем! – Матрос подался вперед с топором в руке. – Давай их сюда!

– Верно, правильно говорит! – загудели матросы.

– Кому плоты? Нам шлюпок хватит.

– А плоты пусть сами себе делают.

Все присунулись к Салерно, кто с чем: с молотком, с топором, с долотом. Все кричали:

– К черту! Довольно! Баста! Остановить пароход! К шлюпкам!

Один уже бросился к трапу.

– Стойте! – крикнул Салерно и поднял руку.

На миг затихли. Остановились.

– Братья матросы! – сказал с одышкой старик. – Ведь там пассажиры. Мы взяли их сvezти... А мы их... выйдет... выйдет... погубим... Они ведь ехать сели, а не тонуть...

– А мы тоже не гореть нанялись! – крикнул молодой матрос в лицо механику.

И молодой матрос, растолкав всех, бросился к трапу.

XIII

Капитан слышал крик. Он спустился на нижнюю палубу. Шел к мостику и прислушивался.

«Бунт, – подумал капитан. – Они бьют Салерно. Пропало все. Уйму, а нет – взорву к черту пароход, пропадай все пропадом!»

И капитан быстро зашагал к люку.

Вдруг навстречу матрос с топором. Он с разбегу ткнулся в капитана. Капитан рванул его за ворот. Матрос не успел опомниться, капитан столкнул его в люк. По трапу на матроса напирал народ. Все стали и смотрели на капитана.

– Назад! – рявкнул капитан.

Люди попятились. Капитан спустился вниз.

– Чего смотреть?! – крикнул кто-то.

Народ встрепенулся.

– Молчать! – сказал капитан. – Слушай, что я скажу.

Капитан стоял на трапе выше людей. Все на него глядели. Жарко дышали. Ждали.

– Не будет плотов – погибли пассажиры. Я за них держу ответ перед миром и совестью. Они нам доверились. Двести пять живых душ. Нас сорок восемь человек...

– А мы их свяжем, как овец! – крикнул матрос с топором. – Клянусь вам!

– Этого не будет! – крепко сказал капитан. – Ни один мерзавец не тронет их пальцем. Я взорву пароход!

Люди загудели.

– Убейте меня сейчас! – Капитан сунулся грудью вперед. – И суньтесь только на палубу – пароход взлетит на воздух! Все готово, без меня есть кому это сделать. Вы хотите погубить двести душ – и женщин и малых детей. Даю слово: погибнете вместе. Все до одного.

Люди молчали. Кто опустил вниз злые глаза, а кто глядел на капитана и кивал головой.

Капитан с минуту глядел на людей.

Молодой матрос вскинул голову, но капитан заговорил:

– Плоты почти готовы. Их осталось собрать и сделать мачты. На шесть часов работы. У нас ведь есть сутки. Двадцать четыре часа. Пассажиры в воде – это дети. Они узнают о несчастье – они погубят себя. Нам вручили их жизнь. Товарищи моряки! – громко крикнул капитан. – Лучше погибнуть честным человеком, чем жить прохвостом! Скажите только: «Мы их погубим», – капитан обвел всех глазами, – и я сейчас пушу себе пулю в лоб. Тут, на трапе. – И капитан сунул руку в карман.

Все загудели глухо, будто застонали.

– Ну, так вот вы – честные люди, – сказал капитан. – Я знал это. Вы устали. Выпейте по бутылке красного вина. Я прикажу выдать. Кончайте скорее – и спать. А наши дети, – капитан кивнул наверх, – пусть играют, вы их спасете, и будет навеки вам слава, морякам Италии. – И капитан улыбнулся. Улыбнулся весело, и вмиг помолодело лицо.

– Браво! – крикнул молодой матрос.

Он глядел на капитана. Капитан быстрыми шагами вбегал по трапу.

– Гропани! – крикнул капитан на палубе. Штурман бежал навстречу. – Идите вниз, – говорил капитан, – работайте с ними во всю мочь! И по бутылке вина всем. Сейчас. Там танцуют? Ладно. Я пришлю за вами, в случае станут скучать. Ну, живо!

– Есть! – крикнул Гропани и бегом бросился к люку.

XIV

Капитан прошел в свою каюту. Он сел на койку, сжал кулаки со всей силой и подпер бока. «Держаться, держаться, – говорил капитан, – что есть сил держаться! Сутки одни, одни только бы сутки!» И нисколько не легче становилось капитану. Он знал: не за сутки, а за один час, за минуту все может погибнуть. Крикнет этот матрос с топором: «Пожар!» – и готово. «Дали им вина?» – подумал капитан и вскочил на ноги. Но тут влетел в каюту Салерно. Старик осунулся в эти два дня. Он схватил капитана за плечи, стал трясти. Тряс и все глядел в глаза, и лицо у старика кривилось и вдруг совсем сморщилось, и он заплакал, заревел в голос. Он с размаху сел на койку и уткнул лицо в подушку.

– Что ты? – Капитан первый раз заговорил с ним на «ты». – Что ты? Салерно...

Капитан повернулся, взялся за ручку двери. Старик встрепенулся.

– Минуту! – говорил старик.

Он задышался, схватил графин и пил из горлышка. Обливался. Другой рукой он держал капитана.

– Ведь я умру подлецом, – говорил старик сквозь слезы. – Пожар не потухнет. В этих бочках, ты не знаешь, – в них бертолетова соль!

– Как? – спросил капитан. – Ведь ты сказал – хлорноватая какая-то соль...

– Да, да! Это и есть бертолетова. Я не соврал. Но я знал, что ты не поймешь.

– Я спрашивал ведь тебя: не опасно? А ведь это – взрыв!..

– Нет, нет, – плакал старик, – не взрыв! Ее нагревает, она выпускает кислород, а от него горит. Сильней, сильней все горит. – Старик умоляюще глядел на капитана. – Ну, прости, прости хоть ты, господи! – Старик ломал руки. – Никто, никто не простит... – И Салерно искал глазами по каюте. – Мне дали триста лир, чтобы я устроил... дьявол дал... эти двадцать бочек. Что же теперь? Что же? – Салерно глотал воздух ртом. – Иисусе святой, милый, дорогой...

– Идите к аббату, приложите к его рясе. Нет? Тогда вот револьвер – стреляйтесь! – сказал капитан и брякнул на стол браунинг.

Старик водил выпученными глазами.

– Тоже не хотите? Тогда умрите на работе. Марш к команде.

– Капитан, – хрипло сказал Салерно, – на градуснике... вчера было не семьдесят восемь, а семьдесят семь...

– Капитан вскинул брови, вздрогнул.

– Я не мог сказать... – Старик рухнул с койки, стал на колени.

Капитан с размаху ударил старика по лицу, вышел и пристукнул за собой дверь.

XV

Капитан взял веревку с градусником. Он сам смерил температуру – было 88 градусов. Маленький механик подошел и сказал (он был в одной сетке, мокрый от пота):

– На переборке краска закудрявилась, барашком пошла, но мы поливаем... Полно пару... Люди задыхаются... Работаем мы со вторым механиком...

Капитан подошел к кочегарке. Глянул сверху, но сквозь пар не мог увидеть. Слышал только – лязгают лопаты, стучают скребки.

Маленький механик шагнул за трап и пропал в пару.

Солнце садилось. Красным отсветом горели буруны по бокам парохода. Черный дым густой змеей валил из трубы. Пароход летел что есть силы вперед. В трюме парохода горел смертельный огонь. Пассажиры приятно пели испанскую песню. Испанец махал рукой. Все на него смотрели, а он стоял на табурете выше всех.

– Спойте молитву, – говорил испанец. – Его преподобию будет приятно.

Испанец дал тон.

Капитан быстро пошел вниз, к матросам.

– Сейчас готово! – крикнул навстречу Гропани. Он, голый до пояса, долбил долотом. Старик Салерно, лохматый, мокрый, тесал. Он без памяти тесал, зло садил топором.

– Баста! Довольно уж! – кричал ему судовой плотник.

Салерно, красный, мокрый, озирался вокруг.

– Еще по бутылке вина, – сказал капитан. – Выпить здесь – и по койкам. Двое – в кочегарку, помогите товарищам. Они в аду. Вахта по часу.

Все бросили инструменты. Один Салерно все стоял с топором. Он еще два раза тяпнул по бревну. Все на него оглянулись.

Капитан вышел на палубу. На трюме в пазах стена пошла пузырями. Они надувались и лопались. Смола прилипла к ногам. Черные следы шли по палубе.

Солнце зашло.

Яркими огнями вспыхнул салон; оттуда мирно мурлыкал пассажирский говор.

Гропани догнал капитана.

– Я доложу, – весело говорил Гропани, – очень здорово, то есть замечательные плоты, говорю я... а Салерно...

– Видел все, – сказал капитан. – Готовьте провизию, воду, флаги, ракеты. Фальшфейера не забудьте. Сейчас же...

– А Салерно чудак, ей-богу! – крикнул Гропани и побежал хлопотать.

XVI

Ночью капитан пошел мерить температуру. Он мерил каждый час. Температура медленно подходила к 89 градусам. Капитан осторожно прислушивался, не гудит ли в трюме. Он приложил ухо к трюмному люку. Было горячо, но капитан терпел. Было не до того. Слушал: нет, ничего – это урчит машина. Ее слышно по всему пароходу. Капитану начинало казаться: вот сейчас, через минуту пароход не выдержит. Взорвется люк, полыхнет пламя – и конец: крики, вой, кровавая каша. Почему знать, дотерпит ли пароход до утра? И капитан снова шупал палубу. Попадал в жидкую горячую смолу в пазах. Снова мерил градусником уже каждые полчаса. Капитан нетерпеливыми шагами ходил по палубе. Глядел на часы. До рассвета было еще далеко. Внизу Гропани купорил в бочки сухари, консервы. Салерно возился тут же. Он слушал Гропани и со всех ног исполнял его приказы. Как мальчик, старик глядел на капитана, будто хотел сказать: «Ну, прикажи скорее, и я в воду брошусь!»

Около полуночи капитану доложили – двоих вынесли из кочегарки в обмороке. Но машина все вертелась, и пароход летел напрямик к торной дороге.

Капитан не мог присесть ни на миг. Он ходил по всему пароходу. Он спустился в кочегарку. Там в горячем пару звякали дверцы топок. Пламя выло под котлами. Распаренные люди изо всех сил швыряли уголь. Не попадали и снова с ожесточением кидали. Ругались, как плакали.

Капитан схватил лопату и стал кидать. Он задышался в пару.

– Валяй, валяй, сейчас конец, – говорил капитан.

Гайки закрыли. Капитан вылез наверх. Ему показалось холодно на палубе. А это что? Какие-то фигуры в темноте возятся у шлюпки.

Капитан опустил руку в карман, нащупал браунинг. Подошел. Три матроса и кочегар вываливали шлюпку за борт.

– Я не приказывал готовить шлюпок, – тихим голосом сказал капитан.

Они молчали и продолжали дело.

– На таком ходу шлюпки не спустить, – сказал капитан чуть громче. – Погибнете сами и загубите шлюпку.

Капитан сдерживал сердце: нельзя подымать тревогу.

Матросы вывалили шлюпку за борт. Оставалось спустить.

Двое сели в шлюпку. Двое других готовились спускаться.

– А, дьявол! – вскрикнул один в шлюпке. – Нет весел. Они запрятали весла и паруса. Все. Давай весла! – крикнул он в лицо капитану. – Давай!

– Не ори, – сказал тихо капитан, – выйдут люди, они убьют вас!

И капитан отошел в сторону. Он видел, как люди вылезли из шлюпки. До рассвета оставалось три часа. Капитан увидел еще фигуру: пригляделся – Салерно. Старик, полуголый, шел шатаясь.

Он шел прямо на капитана. Капитан стал.

– Салерно!

Старик подошел вплотную.

– Что мне теперь делать? Прикажите.

Салерно глядел сумасшедшими глазами.

– Оденьтесь, – сказал капитан, – причешитесь, умойтесь. Вы будете передавать детей на плоты.

Салерно с сердцем махнул кулаками в воздухе. Капитан зашагал на бак. По дороге он снова смерил: было почти 90 градусов.

Капитану хотелось подогнать солнце. Вывернуть его рычагом наверх. Еще 2 часа 45 минут до света. Он прошел в кубрик. Боцман не спал. Он сидел за столом и пил из кружки воду. Люди спали головой на столе, немногие в койках. Свесили руки, ноги, как покойники. Кто-то в углу копался в своем сундучке. Капитан поманил пальцем боцмана. Боцман вскочил. Тревожно глядел на капитана.

– Вот порядок на утро, – тихо сказал капитан. И он стал шептать над ухом боцмана.

– Есть... есть... – приговаривал боцман.

Капитан быстро взбежал по трапу. Ему не терпелось еще смерить. Градусник с веревкой был у него в руке. Капитан спустил его вниз и тотчас вытянул. Глядел, не мог найти ртути. Что за черт! Он взял рукой за низ и отдернул руку: пеньковая кисть обварила пальцы. Капитан почти бегом поднялся в каюту. При электричестве увидал: ртуть уперлась в самый верх. Градусник лопнул. У капитана захватило дух. Дрогнули колени первый раз за все это время. И вдруг нос почувствовал запах гари. От волнения капитан не расчуял. Откуда? Озирался вокруг. Вдруг он увидел дымок. Легкий дымок шел из его рук. И тут капитан увидел: тлеет местами веревка. И сразу понял: труба раскалилась докрасна в трюме. Пожар дошел до нее.

Капитан приказал боцману поливать палубу. Пустить воду. Пусть все время идет из шланга. Тут под трюмом пар шел от палубы. Капитан зашел в каюту Салерно. Старик переодевал рубаху. Вынырнул из ворота, увидал капитана. Замер.

– Дайте химию, – сказал капитан сквозь зубы. – У вас есть химия.

Салерно схватил с полки книгу – одну, другую...

– Химии... химии... – бормотал старик.

Капитан взял книгу и вышел вон.

«Может ли взорвать?» – беспокойно думал капитан. У себя в каюте он листал книгу.

«Взрывает при ударе, – прочел капитан про бертолетову соль, – и при внезапном нагревании».

– А вдруг там попадет так... что внезапно... А, черт!

Капитан заерзал на стуле. Глянул на часы: до рассвета оставалось двадцать семь минут.

XVII

Остановить пароход в темноте – все пассажиры проснутся, и в темноте будет каша и бой. А в какую минуту взорвется? В какую из двадцати семи? Или соль выпускает кислород? Просто кислород, как в школе на уроке химии?

Капитан дернулся смерть, вспомнил и топнул с сердцем в палубу.

Теперь капитан как закаменел: шел твердо, крепким шагом. Как живая статуя. Он прошел в кубрик.

– Буди! – сказал капитан боцману. – Двоих на лебедку! Плоты на палубу! Собирать!

Люди просыпались, серые и бледные. Всеми глазами глядели на капитана. Капитан вышел. С бака на него глядели бортовые огни: красный и зеленый. Яркие, напряженные. Капитан уже слышал сзади возню, гроханье брусьев. Тарахтела лебедка. Вспыхнула грузовая люстра.

– Гропани, к пассажирам! – сказал капитан на ходу. Он слышал голос Салерно.

– Салерно, ко мне! – крикнул капитан. – Вы распоряжайтесь спуском плотов. И ни одной ошибки!

Второй штурман с матросами вываливал шлюпки за борт. Одиннадцать шлюпок. Капитан глянул на часы. Оставалось семнадцать минут. Но восток глухо чернел справа.

– Всех наверх! – сказал капитан маленькому механику. – Одного человека оставить в машине.

Пароход несся, казалось, еще быстрее – напоследки – очертя голову.

Капитан вышел на мостик.

– Определитесь по звездам, – сказал он старшему штурману, – надо точно знать наше место в океане.

Легкий ветер дул с востока. По океану ходила широкая плавная волна. Капитан стоял на мостике и смотрел на сборку плотов. Салерно точно, без окриков руководил, и руки людей работали дружно, в лад. Капитан шагнул вправо. Ветром дунул свет из-за моря.

– Стоп машина! – приказал капитан.

И сейчас же умер звук внутри. Пароход будто ослаб. Он с разгону еще несся вперед. Люди на миг бросили работу. Все глянули наверх, на капитана. Капитан серьезно кивнул головой, и люди вцепились в работу.

XVIII

Аббат проснулся.

– Мы, кажется, стоим, – сказал он испанцу и зажег электричество.

Испанец стал одеваться. Поднимались и в других каютах.

– Ах да! Именины! – кричал испанец.

Он высунулся в коридор и крикнул веселым голосом:

– Дамы и кавалеры! Пожалуйста! Прошу! Все в белом! Непременно!

Все собрались в салоне. Гропани был уже там.

– Но почему же так рано? – говорили нарядные пассажиры.

– Надо приготовить пикник, – громко говорил Гропани, – а потом, – шепотом, – возьмите с собой ценности. Знаете, все выйдут, прислуга ненадежна.

Пассажиры пошли рыться в чемоданах.

– Я боюсь, – говорила молодая дама, – в лодках по волнам...

– Со мной, сударыня, уверяю, не страшно и в аду, – сказал испанец. Он приложил руку к сердцу. – Идемте. Кажется, готово!

Гропани отпер двери.

Пароход стоял. Пять плотов гибко качались на волнах. Они были с мачтами. На мачтах флаги перетянуты узлом.

Команда стояла в два ряда. Между людьми – проход к трапу.

Пассажиры спустились на нижнюю палубу.

Капитан строго глядел на пассажиров.

Испанец вышел вперед под руку с дамой. Он улыбался, кланялся капитану.

– От лица пассажиров... – начал испанец и шикарно поклонился.

– Я объявляю, – перебил капитан крепким голосом, – мы должны покинуть пароход. Первыми сойдут женщины и дети. Мужчины, не трогаться с места! Под страхом смерти.

Как будто стон дохнул над людьми. Все стояли оцепенелые.

– Женщины, вперед! – скомандовал капитан. – Кто с детьми?

Даму с девочкой подталкивал вперед Гропани. Вдруг испанец оттолкнул свою даму. Он растолкал народ, вскочил на борт. Он приготовился прыгнуть на плот. Хлопнул выстрел. Испанец рухнул за борт. Капитан оставил револьвер в руке. Бледные люди проходили между матросами. Салерно размещал пассажиров по плотам и шлюпкам.

– Все? – спросил капитан.

– Да. Двести три человека! – крикнул снизу Салерно.

Команда молча, по одному, сходила вниз.

Плоты отвалили от парохода, легкий ветер относил их в сторону. Женщины жались к мачте, крепко прижимали к себе детей. Десять шлюпок держались рядом. Одна под парусами и веслами пошла вперед. Капитан сказал Гропани:

– Дайте знать встречному пароходу. Ночью пускайте ракеты!

Все смотрели на пароход. Он стоял один среди моря. Из трубы шел легкий дым.

Прошло два часа. Солнце уже высоко поднялось. Уже скрылась из глаз шлюпка Гропани. А пароход стоял один. Он уже не дышал. Мертвый, брошенный, он покачивался на зыби.

«Что же это?» – думал капитан.

– Зачем же мы уехали? – крикнул ребенок и заплакал.

Капитан со шлюпки оглядывался то на ребенка, то на пароход.

– Бедный, бедный... – шептал капитан. И сам не знал – про ребенка или про пароход.

И вдруг над пароходом взлетело белое облако, и вслед за ним рвануло вверх пламя.

Гомон, гул пошел над людьми. Многие встали в рост, глядели, затаив дыхание...

Капитан отвернулся, закрыл глаза рукой. Ему было больно: горит живой пароход. Но он снова взглянул сквозь слезы. Он крепко сжал кулаки и глядел, не отрываясь.

Вечером виден был красный остов. Он рдел вдали. Потом потухло. Капитан долго еще глядел, но ничего уже не было видно.

Три дня болтались на плотках пассажиры.

На третьи сутки к вечеру пришел пароход. Гропани встретил на борту капитана.

Люди перешли на пароход. Недосчитались старика Салерно. Когда он пропал, – кто его знает.